

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ЦЕНТР "МЕМОРИАЛ"

MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. +7 (495) 225-3118

Факс +7 (495) 624-2025

E-mail: memhrc@memo.ru

Web-site: <http://www.memo.ru/>

МИРОТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ РОССИИ В СНГ

Опубликовано в книге "RESTRUCTURING THE GLOBAL MILITARY SECTOR"
VOL.I: NEW WARS PINTER. London and Washington

Введение

На территории бывшего СССР Россия осуществляла и продолжает осуществлять до настоящего времени четыре миротворческие операции: на территории Молдовы в Приднестровье, в Таджикистане и на территории Грузии — в Южной Осетии и в Абхазии. Условия проведения всех этих операций разнятся между собой не только в силу различий мандатов российских миротворцев, но и, что более значимо, в силу целого комплекса историко-культурных различия регионов, отдаленных друг от друга более чем 3000 км, а также политических и военных особенностей конфликтов на этих территориях.

По мнению автора, российская миротворческая активность при всей ее непоследовательности сдерживает развитие вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, но остановить вооруженные конфликты изолированно от международных институтов не способны ни Россия, ни СНГ, под флагом которого стремятся сегодня выступать российские политики. Следует также подчеркнуть, что миротворческая активность в СНГ является важным элементом национальной безопасности России и, в конечном счете, служит поддержанию внутренней стабильности в стране.

Задача данной работы исключительно исследование развития в России подходов к миротворчеству на территории бывшего СССР с помощью миротворческих сил с кратким последовательным анализом того опыта, который получен российскими войсками в рамках миротворческих операций. Роль других контингентов российских Вооруженных Сил подробно рассматривается лишь в тех случаях, когда их действия смыкаются с действиями военных миротворческих контингентов либо иллюстрируют ход общего развития событий. Вопрос об участии российских контингентов и отдельных наблюдателей в операциях за пределами постсоветского пространства не затрагивается. Мы также оставим в стороне оценку действий российских миротворцев с точки зрения норм гуманитарного права, хотя, по мнению автора, принимая участие в конфликте, даже в качестве третьей нейтральной силы, они становятся стороной конфликта и обязаны следовать праву и обычаям войны.

Как общая концепция безопасности, так и набор идей, связанных с осуществлением Россией ее миротворческой активности, до настоящего времени реально не сформированы. Опубликованные документы Совета Безопасности и его структур носят чисто декларативный характер и не способны четко указать на приоритеты российской внешней политики в СНГ. Как и раньше, большинство решений в этой области носит случайный, реактивный характер,

осложненный отпечатком субъективных отношений. Поэтому попытка периодизации становления России как страны пытающейся поддерживать стабильность на постсоветском пространстве неизбежно будет носить условный характер и указанные в работе временные рамки не следует воспринимать как рубежи, отделяющие один тип деятельности миротворцев от другого, кардинально отличного. Однако в разные периоды развития российской миротворческой активности можно выделить преобладающие тенденции, характеризующие сложившиеся на тот момент обобщенные представления о способах разрешения вооруженных конфликтов и о роли миротворческих сил в этом процессе. Оценка и сопоставление реализованных при этом миротворческих операций является интересным и перспективным путем изучения возможного применения миротворческих сил в современном мире.

В первый период миротворческой активности России, относящийся ко времени дезинтеграции СССР и становлению России как самостоятельного государства, основным методом миротворчества признавались политические, переговорные пути разрешения кризиса при возможно более полном участии международных институтов. Начало этого периода можно отнести к весне 1991 г., к моменту подписания Казбегского протокола между Россией и Грузией. И хотя после формального завершения распада СССР в политической риторике некоторых высокопоставленных российских военных стали звучать угрозы применения силы, возможность ее использования даже внутри страны блокировалась сложившимся общественным мнением¹. К сожалению, в других бывших союзных республиках общественное мнение складывалось иным образом. С исчезновением давления союзного руководства накопившиеся противоречия вызвали в 1992 г. резкое обострение конфликтов с вовлечением в них значительных масс населения. Миротворческим операциям России еще не предавалась самостоятельная роль в миротворческом процессе.

Начало следующего периода можно отнести к концу 1992 — началу 1993 г. После относительно удачных первых шагов при проведении операций миротворческими силами в Приднестровье и в Южной Осетии, после попытки возрождения великодержавной идеологии в стенах Кремля произошло изменение подхода к разрешению вооруженных конфликтов, характеризующееся переоценкой роли силовых методов — своего рода метод «принуждения силой» в постсоветской интерпретации. Последовавшая затем пробуксовка миротворческого процесса в Таджикистане и отсутствие значимого улучшения ситуации в зонах «старых» конфликтов, твердая позиция западных стран, не согласившихся признавать особые права России на территории бывшего СССР, — все это привело в 1994 г. к возвращению интереса России к дипломатическим усилиям, направленным на разрешение конфликтов и совместным действиям с другими странами СНГ. Однако существенных изменений взглядов российского руководства на использование миротворческих сил в странах СНГ с тех пор не произошло, и при проведении военной кампании в Чечне миротворческий опыт российских военных не был затребован.

Развитие в России представлений о роли миротворческих сил в урегулировании конфликтов

Преодоление имперских традиций или «российский изоляционизм»

В ходе процесса дезинтеграции СССР, предшествовавшего его официальным похоронам в Беловежской пуще в декабре 1991 г., проблема поиска контингентов миротворческих сил для зон этнических конфликтов на первый взгляд не возникала ни перед руководством Советского Союза, ни перед руководством отдельных республик, входивших в его состав. Помимо единых Вооруженных Сил, подчинявшихся Президенту Советского Союза Михаилу Горбачеву как Верховному Главнокомандующему, в распоряжении Кремля находились силы

Внутренних Войск Министерства внутренних дел, подготовленные для подавления внутренних беспорядков в стране. На первом этапе перестройки подразделения Внутренних Войск МВД и приданные им элитные подразделения воздушно-десантных войск Министерства обороны достаточно успешно осуществляли задачи по сдерживанию конфликтов в их очагах.

Попытки же пойти дальше и перейти к мирному строительству и воссозданию общественных структур оказывались безрезультатными. Наиболее ярким примером этого был опыт союзной администрации в Нагорном Карабахе под руководством А.Вольского в 1989 г, которой удалось на время своего существования не допустить разрастания вооруженной борьбы, предотвратить попытки силового разрешения конфликта со стороны азербайджанских властей и установить относительный порядок на улицах столицы и дорогах автономии, но не удалось достичь никаких успехов в деле примирения армян и азербайджанцев.

Однако, как это ни парадоксально, мирное разрешение конфликтов не было выгодно кремлевскому руководству. Одной из важнейших частей общеполитической игры в Советском Союзе того периода было противопоставление республиканских государственных структур в недавнем прошлом полудекоративных — союзной центральной власти. В первую очередь через захват власти на республиканском уровне альянсом демократических и националистических движений и перехват полномочий центрального правительства шло преобразование советского властного аппарата. Возможной контригрой центрального правительства стала поддержка возникших сепаратистских движений внутри республик и в силу этого сохранение напряженности между территориями населенными этническими меньшинствами и республиканскими правительствами. Почувствовав эту поддержку представители этнических меньшинств в большинстве республик стали выдвигать лозунги сохранения Союза, а в ряде случаев — присоединения своих территорий к РСФСР.

В то время как в столицах республик попытки выступления против властей и подчас возникающие при этом массовые беспорядки приводили к жесткой и эффективной силовой реакции войск по приказу центрального руководства (в Алма-Ате, Ереване, Тбилиси, Душанбе и Баку), действия этнических парамилитарных групп в зонах повышенной напряженности зачастую получали поддержку от расквартированных на их территориях советских частей. Эта поддержка включала в себя не только тайную продажу вооружений, на что воинское начальство снисходительно закрывало глаза, но и в некоторых случаях даже участие отдельных военнослужащих как наемников в боевых столкновениях.

Отдельные детали этой картины проступали во время конфликтов в Приднестровье, в Нагорном Карабахе ² и в Южной Осетии. При этом общим правилом становилась та ситуация, когда расположенная на какой-либо территории воинская часть становилась «сверхлояльна» местному населению. Независимым наблюдателям удавалось зафиксировать факты поддержки обеих враждующих сторон военнослужащими различных советских частей.

В сложившейся обстановке, когда союзный центр не давал вооруженным конфликтам выходить за предписанные им рамки, но и не стремился “принуждать” противоборствующие стороны к миру, группа реформаторски настроенных помощников Бориса Ельцина предприняла первую в истории новой России попытку к проведению миротворческой операции. В результате их усилий в марте 1991 г. на границе Грузии и России Председатели Верховных Советов республик З.Гамсахурдия и Б.Ельцин подписали протокол об урегулировании ситуации в Южной Осетии. К этому моменту фаза активных боевых действий между осетинскими и грузинскими формированиями закончилась и возникли условия для урегулирования конфликта. Предложенное в протоколе решение предусматривало введение на территорию Южной Осетии совместного контингента российских и грузинских добровольцев общей численностью около 400 человек. Отсутствие опыта, а возможно и понимания российским руководителем масштаба предполагаемой операции привели к тому, что таким незначительным силам были поставлены самые

широкие задачи по поддержанию мира, включая проведение мероприятий по изъятию оружия у населения. Недостаточно продуманный протокол справедливо вызвал широкие протесты различных политических сил России, в том числе и со стороны демократической интеллигенции до того без возражений поддерживавшей будущего Президента России³. В итоге Верховный Совет РСФСР заблокировал проведение миротворческой операции. Идеи активной роли России в урегулировании политических конфликтов на территории Советского Союза были дискредитированы, авторитет лоббировавших эти идеи и готовивших соглашение помощников Президента был подорван. С этого дня идеология политики «российского изоляционизма» в общесоюзных делах стала преобладающей для московского демократического истеблишмента.

Предполагалось, что демонстративный отказ от имперского наследия России, принятие первой в Советском Союзе «Декларации о суверенитете», многочисленные заявления о поддержке стремлений к суверенитету советских республик, в первую очередь Прибалтики, призывы Ельцина к российским автономиям «брать столько суверенитета, сколько проглотите» и бескомпромиссная борьба с союзным правительством М.Горбачева, — все это должно было не только обеспечить поддержку руководителями союзных республик борьбы российских лидеров за переезд из московского Белого Дома Правительства РСФСР в Кремль, но и создать дружеские отношения с руководством других республик Советского Союза. Следует признать, что эти надежды в дальнейшем не оправдались. Показательно, что во время консервативного путча в августе 1991 г. реально только руководители прибалтийских республик оказали поддержку российским лидерам в борьбе с пошедшей ва-банк высшей коммунистической номенклатурой.

Последовавшие за тем Беловежские и Алма-Атинские соглашения, завершившие существование Советского Союза, не создали механизмов урегулирования конфликтов на территории бывшего СССР. В этой области единственным позитивным результатом переговоров стало определение судьбы советского ядерного и химического оружия. Принятые тогда решения позволили наметить реализованные в последствии меры по его уничтожению или вывозу в Россию и исключить его использование в конфликтах на постсоветском пространстве.

Когда Российская Федерация заявила о себе как о правопреемнице СССР, то никто из ее руководителей не осознавал степени ее ответственности за происходящее вне границ новой страны. Склады советского оружия в бывших братских республиках захватывали неизвестные лица, правительства новых независимых государств при этом не признавали своей связи с этими захватами, но и не проводили серьезных расследований. Советские воинские части, большей частью принявшие российскую присягу, с трудом выходили в Россию, иногда теряя при этом свою технику и вооружение. Например, в 1992 г. при выводе из Нагорного Карабаха мотострелкового полка, ставшего таким образом российским, его боевая техника была захвачена армянскими формированиями. Специальным группам российских десантников пришлось выявлять и взрывать российские танки и бронемашин. В других случаях российские войска оставались в местах своей старой дислокации, не имея ни четкой правовой базы для своих действий, ни представления о своем будущем.

Министерство обороны России не могло обеспечить контроль за действиями подчиненных ему войск в «ближнем зарубежье». Личный состав изолированных российских частей, в том числе офицеры и прапорщики, пополнялся выходцами из местного населения. Оторванные от Москвы части продолжали оказывать помощь существующим вооруженным формированиям. Командиры закрывали глаза на действия своих подчиненных и пытались проводить самостоятельную политику в отношении местного населения. Небывалый размах приобрела коррупция.

На примере 201-й дивизии, расквартированной в Таджикистане, было видно, как еще до начала гражданской войны 1992 г., дезорганизованные российские войска становились источником вооружений для обеих конфликтующих сторон. Один из представителей российских властей, в числе прочего курировавший состояние российских войск в

Таджикистане, достаточно лаконично оценил в 1993 г. итоги двухлетней коррупции в 201-й дивизии словами: «Разговорано все»⁴. При этом следует отметить, что даже в таком виде 201-я дивизия во время гражданской войны, сыграла роль буфера при столкновениях и в ее городках последовательно укрывались беженцы, спасавшиеся то от одной, то от другой стороны.

В первое время после распада СССР руководство России не уделяло существенного внимания развитию отношений с новыми независимыми государствами. Действия Кремля, в том числе и попытки участия в урегулировании вооруженных конфликтов, носили случайный, реактивный характер (ad hoc). В рамках своей общеполитической стратегии Россия декларировала основную роль международных коллективных организаций в деле установления добрососедских отношений между новыми независимыми государствами. Разрабатывалась концепция общего для всего СНГ соглашения по проведению операций по установлению мира. Впрочем, порывы «юношеского романтизма» первого года российской внешней политики легко сочетались с угрозами соседям и заявлениями о поддержке русскоязычного населения Верховным Советом РСФСР. Пассивность Кремля в «ближнем зарубежье» стала предметом постоянных нападок оппозиции. Многократно возрос поток беженцев в Россию из других стран постсоветского пространства. В условиях проведения радикальной экономической реформы политическая стабильность общества оказывалось под угрозой.

Стало очевидно, что представления либеральных руководителей, стоявших в тот период во главе правительства России, и государственного внешнеполитического ведомства о том, каковы должны быть отношения между странами на постсоветском пространстве, мало соотносятся с действительностью. России не удастся решить проблемы преобразования из посттоталитарного в демократическое общество изолировано от остальных стран постсоветского пространства. Нестабильность на границах России и продолжающиеся конфликты будут неизменно нарушать стабильность российского общества. Следовательно, активная роль России в скорейшем урегулировании конфликтов отвечает ее национальным интересам, а миротворческие операции, наряду с дипломатическими усилиями, должны стать одним из эффективных средств реализации интересов России. Национал-патриотические силы также требовали активного вмешательства России в дела своих соседей, рассматривая такое вмешательство, как возрождение политики великой державы и наследницы Российской империи.

Советское наследие

В то же время, Россия не была готова для проведения миротворческих операций. В нашей стране подобный опыт отсутствовал. В рамках операций ООН Советский Союз никогда не посылал свои войска для установления мира. На протяжении всей своей истории советские войска или советские военные советники во время гражданских войн в других странах оказывали помощь прогрессивным, по мнению коммунистического руководства, режимам или повстанческим движениям. Это полностью соответствовало доктрине так называемого «пролетарского интернационализма», требующего оказывать помощь борющимся за свое освобождение трудящимся в их прогрессивной борьбе за освобождение от гнета капитализма и его последней стадии — империализма. Мирные переговоры могли использоваться только как элемент этой борьбы, конечный результат которой был предопределен марксистско-ленинской теорией.

Этому не противоречило участие советских офицеров в операциях ООН в качестве наблюдателей, так как международным организациям отводилась роль силы, «сдерживающей империалистические державы в их агрессивных устремлениях». Политика мирного сосуществования рассматривалась как диалектическая форма борьбы между государствами с различным общественно-политическим строем, а международные институты представляли собой одно из полей этой борьбы.

В результате такого подхода, советское правительство никогда не уделяло серьезного

внимания ни проблемам подготовки кадров для миротворческих операций, ни развитию военно-теоретических вопросов, связанных с их проведением. Российская армия могла рассчитывать в предполагаемых миротворческих операциях только на инициативу будущих миротворцев — офицеров и их очень поверхностные представления о международном опыте, почерпнутые в основном с экранов телевизоров во время недавно прошедшей операции «Буря в пустыне»⁵.

Таким образом, в наследство от Советского Союза России не осталось ни общей концепции проведения миротворческих операций, ни конкретных представлений о задачах военных миротворцев. Были лишь несколько десятков офицеров, когда-то прошедших через службу в войсках ООН.

Однако существовал и ряд позитивных психологических и культурных аспектов, связанных с возможностями проведения российской армией миротворческих операций на территории бывшего СССР.

Во-первых, обостренное сочувствие личного состава миротворческих сил местному населению. Российские военные, как и большинство жителей СССР, не были психологически готовы к распаду Советского Союза и продолжали воспринимать жителей других республик как соотечественников⁶. Этому дополнительно способствовали поддержанная перестройкой идеология «единства армии и народа» в сочетании с новым и тогда чрезвычайно модным среди военных положением «Армия вне политики». Если, например, в августе 1991 г. сложившаяся идеология невмешательства военных в политику позволила парализовать введенные в Москву войска, то в ходе миротворческих операций можно было рассчитывать на высокую идеологическую мотивацию каждого из солдат в выполнении общей задачи установления мира.

Во-вторых, легкость установления контактов всего личного состава миротворческих контингентов с местными властями и населением, обеспечиваемая широким и повсеместным использованием русского языка, наличием общих культурных представлений, общим опытом жизни в условиях тоталитарного государства.

В-третьих, создание реальных перспектив служебного роста офицеров, отличившихся в миротворческих операциях. Необходимо также учитывать и общественный фон, возникший в этот период. Реформы зимы 1991-1992 гг. привели к кризису армии, к сокращениям вооруженных сил и массовым увольнениям молодых офицеров. Авторитет военной службы был как никогда низок. Профессия офицера перестала быть почетной в глазах общества. На этом фоне выполнение благородной, по общему мнению, обязанности миротворца могло придать смысл офицерской службе и создать психологическую уверенность в необходимости продолжения службы.

Весной 1992 г. в Ленинградском военном округе создается первая база по подготовке миротворческих сил. Это происходит перед началом миротворческой операции России в Приднестровье.

Первая операция. Молдавия. Приднестровье

Весной 1992 г. резко обострился конфликт в Приднестровье. С 1989 г. в этом регионе возрастала напряженность между правительством Молдавии (сначала партийно-правительственным руководством Молдавской Советской Социалистической Республикой, а в после 1991 г. правительством независимой Республики Молдова) и местным русскоязычным населением, которое заявило о создании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (позднее так же переименованной в Приднестровскую Молдавскую Республику). Сепаратистские настроения в Приднестровье поддерживались симпатиями как Москвы, так и расквартированных в регионе частей советской 14-й армии. Ряд неудачных политических ходов обеих сторон привели к эскалации напряженности и вооруженным стычкам начиная с ноября 1990 г., в марте 1992 г. начавшим

перерастать в открытые военные действия.⁷

Под сильным давлением различных общественных кругов российское руководство начинает активно вмешиваться в происходящие в Молдавии события. Националистическая оппозиция требует военной помощи русскоязычному населению Приднестровья. Добровольцы, включая группы казаков отправляются поддержать сепаратистов. Демократическое правительство Гайдара, в частности министр иностранных дел Андрей Козырев пытаются отстаивать дипломатический путь выхода из кризиса, доказывают, что военное решение проблемы Приднестровья невозможно. 2 апреля расквартированные в регионе части бывшей советской 14 армии переходят под юрисдикцию России. Это происходит на следующий день после неудачной попытки усилить полицейские силы Молдавии в Бендерах — частично контролируемом приднестровскими властями городе на правом берегу Днестра. Армейский гарнизон Бендер принимает обращение с просьбой придать 14 армии статус миротворческих сил⁷⁶.

7 апреля 1992 г. А. Козырев, выступая в качестве посредника, проводит многостороннюю встречу, пытаясь найти компромиссное решение. Создается смешанная комиссия из представителей правоохранительных органов и напряженность несколько снижается.

Но «партия войны» и в России, и в Молдавии оказывается сильнее. Российский вице-президент Александр Руцкой резко высказывается по поводу «паркетной дипломатии» Андрея Козырева и настаивает на необходимости решительных действий. Такие выступления прямо провоцировали «партию войны» и в Приднестровье.

Националистические элементы с обеих сторон также пытаются решить проблему военным путем. После серии взаимных провокаций 19 июня в Бендеры входят регулярные части молдавской армии и волонтеры, прибывшие из разных районов Молдавии. В ходе столкновений гибнет множество мирных жителей. Приднестровские формирования, используя технику 14-й армии, останавливают продвижение правительственных войск, отбивают часть города. Начинается позиционная война.

Важным фактором, остановившим войска молдавского правительства, стала позиция российских войск, выраженная в выступление нового командующего 14 армией генерала Александра Лебеда. Командующий прямо обещал поход на Кишинев и своими действиями не оставлял сомнений, что эти обещания выполнит. Так российская артиллерия стала наносить удары по молдавским войскам, как сообщалось в прессе, в ответ на обстрелы территорий военных частей. Московское руководство не стало одергивать воинственного генерала.

Открытое вступление 14 армии в конфликт поставило бы молдавские силы на грань прямого военного поражения. Только после возникновения этой угрозы последовало соглашение между Молдавией и Россией «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровье» от 23 июля 1992 г. Согласно этому соглашению были созданы трехсторонние миротворческие силы, в которые вошли представители конфликтующих сторон и России.

Миротворческие силы включали в себя 12 батальонов, 6 из которых были российские. Российская часть миротворческих сил была направлена в Приднестровье из внутреннего района России — Приволжского военного округа.

Была создана зона безопасности длиной 220 и шириной 10-20 км по обе стороны реки Днестр. Руководство миротворческими силами было возложено на «Объединенную контрольную комиссию по урегулированию вооруженного конфликта в приднестровском регионе», в которую входили по 6 представителей конфликтующих сторон и России. Деятельность российских миротворцев включала в себя минимальный стандартный набор мер по разграничению — разведение конфликтующих стороны в случаях возникновения напряженности, осуществление контроля за складированием оружия, организация постов и застав. Первый руководитель миротворческой операции генерал-полковник Эдуард Воробьев, позднее ставший известным общественности из-за отказа возглавить российские войска в начале военной компании в Чечне, так описывал обстановку во время своего

командования: «Первоначально то одна, то другая сторона открывали огонь каждый день. Но быстрая реакция на каждый случай стрельбы, применение эффективных мер расследования и поиска виновных привели к тому, что к середине сентября случаи применения оружия стали единичными»⁸. К этому сроку по каждому случаю применения оружия проводилось разбирательство на месте и принимались решения на ежедневных заседаниях комиссии. Дополнительно, миротворческие силы стали проводить изъятие незаконно хранящегося стрелкового оружия, боеприпасов, разминирование плотин, садов, полей.

По ходу своей деятельности миротворческие силы в некоторых случаях объединяли для выполнения конкретных задач представителей различных контингентов миротворческих сил, в других случаях задачи решались изолированными силами. На дорогах были организованы совместные контрольно-пропускные пункты, на которых находились миротворцы представлявшие одну из конфликтующих сторон и Россию. При защите же от подрыва плотины гидроэлектростанции на Днестре охрану несли только российские миротворцы. Согласно рассказам одного из офицеров, принимавших участие в охране гидроэлектростанции, в разное время предпринимались попытки ее взрыва то с одной, то с другой стороны. В некоторых случаях, когда намерения подходящих ночью групп были очевидны, миротворцы из специально оборудованной засады открывали огонь без предупреждения⁹.

Участие в операции по поддержанию мира находящихся в регионе частей российской 14-й армии не предусматривалось. Однако командование российского контингента миротворческих сил постоянно поддерживало связь с ее командующим А. Лебедем. В значительно большей степени, чем миротворческие силы, подразделения 14-й армии могли осуществлять меры направленные на стабилизацию обстановки в Приднестровье, такие как разоружение и ликвидация бандитских групп, в которые превратились некоторые из парамилитарных формирований Приднестровья. Эти группы провоцировали напряженность и были постоянным источником опасности для населения как на левом, так и на правом берегу Днестра.

Так совместными усилиями 14 армии и миротворческих сил в городе Дубоссары была ликвидирована группа бандитов, по словам генерала Э.Воробьева, «состоявшая частично из бывших работников правоохранительных органов, частично уголовников. Они провоцировали обе стороны, обстреливая и тех и других»¹⁰. Была проведена тщательно спланированная операция по ликвидации этой группы. После этого обстановка стала значительно спокойнее, а затем окончательно стабилизировалась.

В Приднестровье фактически возникла ситуация двоевластия. В результате ультимативных требований командующего 14-й армии к Приднестровскому руководству российские военные стали осуществлять охрану общественного порядка, задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений проверки и досмотры на вокзале и дорогах Приднестровья. В конце 1992 — 1993 г. российская комендатура в Тирасполе с приданными ей силами, действуя явочным порядком, присвоила себе правоохранительные функции и частично функции миротворческих сил. Это создало напряжение в отношениях с местным властями, но местное население поддержало действия российских военных. Российский генерал и гражданин А.Лебедь даже стал депутатом местного парламента.

Однако достигнутый к концу 1992 г. успех не был использован. Этому во многом мешало возникшее в то время противостояние в Москве. Силы «красно-коричневой» оппозиции в Москве постоянно эксплуатировали тему страданий «брошенных» русских в Приднестровье, депутаты Верховного Совета России открыто заявляли о своей поддержке приднестровских сепаратистов. В этих условиях Россия не могла оказывать многостороннее давление на руководство сепаратистов, жестко настаивая на необходимости признания разумных компромиссов.

О реальном отношении Московского руководства и Приднестровья говорит следующий факт. Когда осенью 1993 г. Президент РФ издает Указа № 1400 о роспуске Верховного Совета, группы боевиков из Приднестровья прибывают в Москве и поддерживают

антиельцинское выступление А.Руцкого. После его подавления, согласно средствам массовой информации, вернувшиеся боевики получают приднестровские награды. Участие офицеров приднестровских формирований, оставивших свою службу на этот период приднестровским командованием не расследуется. В знак протеста против действий властей Приднестровья, А.Лебедь складывает с себя полномочия депутата Приднестровской Молдавской Республики.

Ситуация же на линии разделения сил в течение этого оставалась стабильной. Казалось, что напряжение в регионе проходит с течением времени. Согласно решению министерства обороны России и в конце 1994 г. в два раза сокращается контингент российских миротворческих сил. Решение об этом было принято в конце ноября 1994, когда в сжатые сроки разрабатывался план военной компании в Чечне¹¹. По мнению Президента Молдавии Мирча Снегура, высказанному им на встрече с верховным комиссаром СБСЕ по делам национальных меньшинств Максом Вандерстулом, вновь «возникла угроза провокаций и возможности возобновления конфликта». Действительно, уже весной 1995 г. отмечался рост столкновений с участием молдавских и приднестровских военнослужащих, участились случаи применения оружия российскими миротворцами.

В 1995 г. генерал А.Лебедь вступает с резкой критикой состояния российской армии и государства. Он получает огромную поддержку в офицерской среде. В числе прочего, А.Лебедь в очередной раз предлагает передать функции миротворческих сил 14 армии, указывая на ее признанную Москвой роль в обеспечении стабильности в регионе¹² и снижение, в случае положительного решения, бюджетных расходов на содержание войск. После долгих дипломатических усилий Москвы и длительной аппаратной борьбы министерство обороны России принимает решение о расформировании 14 армии и смене командования образовавшейся группировкой. Вместе с тем, Москва предпринимает отчаянные усилия передать статус миротворческих сил частям, входившим в состав 14 армии, и вывести части нынешнего российского контингента миротворческих сил к местам постоянной дислокации. Против этого решительно возражает руководство Молдавии, рассматривая эту предложения, как попытку России сохранить военную группировку в Приднестровье, и ссылаясь на неготовность частей 14-й армии к исполнению функций миротворцев.

Преодолевая недоверие молдавского руководства, российское министерство обороны приняло решение в ноябре 1995 г. о создании центра по подготовке миротворческих сил в Приднестровье. Предполагается, что осуществление этого решения позволит переобучить военнослужащих бывшей 14 армии и тем или иным способом высвободить подразделения, задействованные сегодня в российском контингенте миротворческих сил.

В течение всего конфликта участие международных институтов в урегулировании конфликта было малоэффективным. В мае 1995 г. в Приднестровье посланник ОБСЕ Иштван Дьярмати настаивал на расширении миротворческого мандата этой организации и замене действующего трехстороннего механизма урегулирования конфликта на новый, четырехсторонний, в котором заметная роль отводилась бы ОБСЕ. В тот момент руководство Приднестровья заявило о необходимости активизации договорного процесса в существующих рамках. Однако через два месяца руководители Молдавии и Приднестровья обратились с предложениями к Украине об участии в переговорах по урегулированию совместно с Россией и ОБСЕ. Длительное время обсуждался вопрос и об участии украинского контингента в составе смешанных миротворческих сил.

Таким образом, в Молдавии смешанные миротворческие силы были созданы на основе контингентов противоборствующих сторон и России. Основная нагрузка при этом легла на российский контингент миротворческих сил. Миротворческие силы относительно успешно осуществили разделение сторон, не допускали перерастание отдельных стычек в крупномасштабные столкновения, проводили профилактическую работу с местным населением. Однако их участие в обеспечении правопорядка не было систематическим и носило в основном реактивный характер. Полицейские функции, присвоенные себе

российской армией, дислоцированной в регионе, осуществлялись вне рамок миротворческой операции, хотя и способствовали ее успеху.

Грузия. Операция в Южной Осетии

Практически одновременно с приднестровской операцией летом 1992 г. началась миротворческая операция в Южной Осетии.

Первые столкновения между осетинами и грузинами во время распада СССР в приграничной с Россией южно-осетинской автономии начались зимой 1989-1990 гг. Осенью 1990 г., после прихода к власти в Грузии первого некоммунистического руководства во главе с З.Гамсахурдиа, Верховный Совет автономной области принял ряд решений, направленных на создание независимой республики. 9 декабря 1990 г., несмотря на протесты тбилисского руководства, осетины избирают новый состав Верховного Совета автономии. 11 декабря Верховный Совет Грузии упразднил Юго-Осетинскую автономную область и принял закон «О чрезвычайном положении». В тот же день в столице автономии городе Цхинвали произошло убийство осетинского милиционера и двух грузин (по словам осетин, сотрудников охраны Председателя грузинского парламента З.Гамсахурдиа). На следующий день грузинский парламент принял решение о введении чрезвычайного положения на территории контролируемой властями бывшей автономии.

6 января 1991 г., при полном бездействии внутренних войск СССР, находившихся в регионе, в столицу автономии Цхинвали вошли силы грузинской милиции и грузинские добровольцы. Осетинское население оказало сопротивление. После боев с группами осетинских боевиков 26 января 1991 г. грузинские силы оставили город. Вслед за тем, осетинским отрядам постепенно удалось оттеснить грузинские силы на несколько километров от Цхинвали. Весной 1991 г. стало очевидно, что активные боевые действия между осетинскими и грузинскими формированиями закончилась и тактической целью каждой воюющей стороны стало удержание контролируемой территории.¹³

С начала конфликта произошел массовый исход осетин из внутренних районов Грузии в Южную и Северную Осетию, несколько десятков осетинских сел было сожжено; грузинские жители Цхинвали и ряда осетинских сел также бежали из зоны конфликта.

Основной проблемой в регионе стала криминализация зоны конфликта. При общем снижении числа вооруженных столкновений между этническими формированиями сторон, стали возникать столкновения между отрядами одной этнической группы. Грабежи и бандитизм, ранее направленные только против этнически враждебного населения, после исхода последнего стали направляться против представителей невовлеченных в конфликт местных национальных групп — армян и евреев. Вместе с тем продолжались вылазки и обстрелы контролируемой противником территории и нападения на транспорт на дорогах, сопровождавшиеся убийствами, захватом заложников, с целью получения выкупа либо обмена, и угоном скота.

Предпринятая Б.Ельциным и З.Гамсахурдиа в марте 1991 г. неудачная попытка урегулирования конфликта, о которой говорилось ранее, никак не изменила ситуацию в регионе.

В целях стабилизации обстановки и предотвращения повторной вспышки конфликта 14 июня 1992 г. между Б.Ельциным и новым лидером Грузии Э.Шеварнадзе были заключены так называемые Дагомыские соглашения. Результатом заключенного соглашения предусматривалось создание для решения военных вопросов и поддержания мира в зоне вооруженного конфликта трехсторонних Смешанных сил мира и правопорядка, а для решения административно-хозяйственных и экономических вопросов — Смешанной Контрольной комиссии.

Следует отметить, что собственно Дагомыские соглашения не были в итоге реализованы, однако они заложили основы для миротворческой деятельности в регионе. Смешанной Контрольной комиссии, в состав которой должны были войти представители грузинской,

южноосетинской стороны и России (в том числе Северной Осетии), так и не удалось начать систематическую работу. На протяжении всего периода, прошедшего после соглашения, тема необходимости постоянной работы комиссии обсуждалась, однако ее работа ограничивалась проведением нескольких встреч делегаций в течение года и принятием протокольных решений.

Миротворческие силы, по тексту принятых решений, должны были состоять из трех батальонов. Один батальон должен был формироваться из состава грузинских вооруженных сил, один — из состава российских вооруженных сил, и один — из сил, подчиненных правительству российской автономной республики — Северной Осетии, которой доверяли власти Южной Осетии. Миротворческие силы должны были нести совместную, с объединенным штабом и тремя старшими воинским начальниками, службу по поддержанию мира. Предусматривалось, как и в Приднестровье, создание смешанных постов, для проверок на дорогах и разоружения населения.

Однако реальное развитие миротворческого процесса пошло мимо запланированных решений. Начавшиеся боевые действия в Абхазии отвлекли внимание грузинского руководства от проблем Цхинвальского региона. Грузинский батальон оказался в основном сформирован из представителей местного грузинского населения, принимавших до того участие в боевых действиях в регионе. Добровольцы из Северной Осетии также вскоре покинули миротворческие силы и личный состав североосетинского батальона пополнили контрактники из местного осетинского населения. Предполагаемое общее превосходство осетинских сил в боевой технике было причиной постоянного беспокойства грузинского командования. В качестве сдерживающей меры грузинский батальон миротворческих сил, представлявший из себя основную силу грузинской стороны в регионе, был оснащен мало подходящими для миротворческих сил боевыми машинами пехоты¹⁴. Не исчезла подозрительность в отношении намерений грузинских военных и среди осетин. В сложившихся условиях командованием миротворческих сил было принято решение не устанавливать на дорогах смешанные посты и разделять, по возможности, посты миротворцев грузинского и осетинского контингента постами российских сил.

В условиях паралича власти в Грузии и Южной Осетии в 1992-1993 гг., создание миротворческих контингентов из бывших боевиков позволило сковать действия противоборствующих групп в регионе. Лучшие из старших воинских начальников миротворческих сил — в прошлом офицеров Советской Армии, часто возвращенных из отставки для командования грузинскими и осетинскими силами — видели свою основную задачу в сдерживании своих подчиненных. Один из них в разговоре с автором просто называл своих бойцов бандитами. Действительно, ни в какой другой миротворческой операции на территории бывшего СССР не было столько случаев правонарушений со стороны миротворцев, в том числе торговли наркотиками. Виновные в большинстве случаев не несли никакого наказания.^{14б}

В этих условиях российский миротворческий батальон нес основную нагрузку по поддержанию правопорядка в регионе. На территории его расположения и под его охраной проходили встречи грузинских и южноосетинских представителей. Благодаря расплывчатым формулировкам мандата, предусматривавшего поддержание мира и правопорядка в регионе, российские миротворческие силы фактически приняли на себя обязанности правоохранительных органов Южной Осетии в части охраны порядка в регионе и задержания правонарушителей. Однако, по словам командующего российскими миротворцами генерал-майора Николая Павлова, зачастую местные правоохранительные органы, состоявшие из бывших бойцов осетинских отрядов, тут же выпускали задержанных не проводя расследования. На парламентских выборах 27 марта 1994 г. в Южной Осетии представители местных силовых министерств потерпели поражение. Изменить новый расклад политических сил они не смогли, так как российские миротворческие силы стали противовесом отрядам боевиков и опорой избранного нового руководства республики. Командование батальона решало и большинство хозяйственных вопросов, связанных с

совместными действиями грузинской и осетинской стороны.

После того как и в Грузии и в Южной Осетии¹⁵ власти укрепились и смогли в большей степени чем раньше контролировать свои силовые структуры, на заседании Смешанной контрольной комиссии 6 декабря 1994 г. с согласия грузинской, северо- и южно-осетинской и российских сторон миротворческие силы были объединены под единым командованием российского генерал-майора Анатолия Меркулева. по его словам, в течение 1994—1995 гг. личный состав грузинского батальона был заменен практически полностью¹⁶. На треть был очищен от лиц, принимавших участие в боевых действиях в регионе, и осетинский батальон. Также было принято решение законсервировать тяжелую технику миротворческих сил грузинского и осетинского контингента. Решение не распространялось на технику миротворческих сил России.

В 1995 г. акцент работы командования миротворческих сил сместился с вопросов правоохранительной сферы на вопросы восстановления хозяйства региона. По словам Анатолия Меркулева, максимально широко понимающего свой мандат, как предупреждение повторного возникновения вооруженного конфликта, командующий миротворческими силами стал проводить на территории российского контингента еженедельные совещания административно-хозяйственного актива осетинской и грузинской стороны региона, на которых обсуждались не только случаи нападений и угона скота, но и восстановление работы местного завода, борьба с безработицей в регионе и даже обеспечение школьными учебниками школ перед началом учебного года.

Оценивая миротворческую операцию в Южной Осетии, следует признать, что объединение задач по поддержанию мира и правопорядка, позволило достичь успеха в миротворческой деятельности войскам, даже при отсутствии запланированной поддержки со стороны гражданских ведомств. Использование трехсторонних миротворческих сил, в которые были вовлечены участники прошедших боевых действий, позволило ограничить влияние вооруженных формирований боевиков на жизнь региона и создать условия для мирного строительства. Планируемое изменение состава миротворческих сил, заключающееся в смене осетинского батальона, формально считающегося батальоном Министерства по чрезвычайным ситуациям Северной Осетии и финансируемого из российского бюджета, на российский батальон Вооруженных Сил позволит еще более облегчить переход к мирной жизни. Однако окончательное урегулирование конфликта возможно только после политического определения статуса Южной Осетии.

Таджикистан. Коллективные миротворческие силы в Таджикистане

Третья операция, которую российское руководство рассматривает как миротворческую, проводится российскими силами в Таджикистане в составе Коллективных миротворческих сил под эгидой СНГ.

Коллективные миротворческие силы в этой горной среднеазиатской республике были созданы в ноябре 1993 года на совместном заседании глав государств СНГ. При разработке их задач учитывался опыт миротворческих операций в Приднестровье и Южной Осетии. В этот период уже были сделаны первые шаги по анализу действий российских войск во время вооруженных конфликтов на территории бывшего Советского Союза¹⁷. Сходное и успешное использование силовых методов при поддержании мира в зонах конфликтов породили преувеличенные ожидания при использовании миротворческих сил. Операция в Таджикистане стала иллюстрацией ошибочности этого подхода. Планировалось, что в Коллективные Миротворческие Силы войдут контингенты российских войск до того расквартированные в Таджикистане, части из Киргизии, Узбекистана¹⁸ и Казахстана. К этому моменту российские и узбекские военные уже давно увязли в конфликте в

Таджикистане ¹⁹.

Подразделения ставшей российской после распада СССР 201-я дивизии были источником оружия для противоборствующих сторон. В ходе чрезвычайно жестокой войны лета и осени 1992 г. Россия всячески призывал конфликтующие стороны к переговорам, в том числе в октябре в ходе специального визита А.Козырева. Вместе с тем, части 201-й дивизии, находившиеся в различных частях республики, оказались в трудном положении. И отряды, поддерживавшие исламско-демократические власти Душанбе и, так называемые, прокоммунистические формирования Народного Фронта стремились привлечь на свою сторону российских военных, или любыми способами изъять технику и оружие. Если бы значительные российские запасы вооружения и боеприпасов попали бы в руки враждующих сторон, война вспыхнула бы с большей силой, от чего пострадало бы и русское население Таджикистана.

Части российской дивизии фактически оказались в окружении и вынуждены были перейти к круговой обороне в границах военных городков. В эти же городки устремились и беженцы. Осенью было принято решение о доукомплектовании 201 дивизии и в ее состав были переброшены специально подготовленные подразделения из России. Дивизия, которая до этого страдала от нехватки личного состава, восстановила свою боеспособность. По договоренности с исламско-демократическими властями на дорогах вокруг столицы была временно выставлена боевая техника. Эта акция имела целью предотвратить проникновение в город мелких банд, занимавшихся грабежом населения.

После разгрома исламско-демократической коалиции и смены власти в Душанбе российские власти открыто поддержали новое правительство, согласившись ради “стабильности” закрыть глаза массовые нарушения прав человека и на коммунистические лозунги, с которыми оно шло к власти. Поддержка выражалась не только в значительной экономической помощи предоставленной Россией новому правительству, но и в активном военном сотрудничестве. Президент Борис Ельцин, министр обороны Павел Грачев и министр иностранных дел Андрей Козырев в разное время заявляли, что Таджикистан является зоной особых интересов Российской Федерации. Россия подписала с новым правительством отдельный договор «О сотрудничестве в военной области», но конкретное сотрудничество оказалось еще более тесным, чем предусматривал договор, в том числе зафиксированы случаи, когда российские войска обеспечивали безопасность правительственных сил, которые осуществляли операции по изъятию оружия²⁰.

Перед российскими войсками была поставлена задача не допустить повторной вспышки конфликта, грозившего перекинуться на страны Средней Азии. По оценкам российских военных, Россия до сих пор не имеет экономической возможности оборудовать собственную полноценную южную границу, а следовательно начавшаяся гражданская война в странах Средней Азии открыла бы южную границу России для потока оружия и наркотиков из Афганистана и с Памира. Вместе с тем в Афганистане, куда ушли остатки отрядов исламской оппозиции, шла деятельная подготовка новых отрядов для возвращения к власти в Таджикистане.²¹

По согласованию с Таджикским правительством Россия отправила на таджикско-афганскую границу сначала воздушно-десантные части, а затем и пограничников. Ночью на 13 июля 1993 г. одна из российских застав была практически полностью уничтожена пришедшим из Афганистана отрядом исламской оппозиции. Эта трагедия получила широкий резонанс в России и заставила обратить внимание на одну из существенных проблем — отсутствие серьезной правовой базы при действиях российских войск в странах СНГ.

Российская либеральная интеллигенция справедливо обвинила правительство в попытках установить контроль над Таджикистаном и по-сути повторить неудачный опыт советской помощи Афганистану. В ответ правительством России была выдвинута идея создания коалиции сил стран СНГ для обеспечения стабильности в регионе.

В ноябре 1993 на встрече глав государств СНГ было подписано решение о создании Коллективных Миротворческих Сил (КМС). Помимо России, еще 3 страны взяли на себя

обязательство направить по одному батальону в состав миротворческих сил. Узбекистан фактически не принял участия в формировании КМС и его силы действуют практически автономно, участие киргизского батальона в КМС несколько раз оказывалось под вопросом. Полностью выполнил свои обязательства лишь Казахстан, однако, по целому ряду свидетельств, казахский батальон, расквартированный в полуопозиционном Горном Бадахшане, не способен изменить сложившуюся обстановку в зоне своей ответственности.

В целом же действия КМС мало похожи на действия обычных миротворцев. Их военная сила поддерживает нынешний режим и позволяет ему оставаться пассивным на переговорах с представителями вооруженной оппозиции. Более того, на Совете министров обороны стран СНГ 19 апреля 1995 г., во время осложнения ситуации в Таджикистане, командующий КМС генерал-полковник Валерий Патрикеев прямо говорил о необходимости «помощи Таджикистану войсками и техникой, доведя численность личного состава до 16 тысяч»²²

Это, по словам генерала, позволило бы обеспечить эшелонированную поддержку пограничников на основных направлениях."

Несмотря на то, что этот план не был принят и российское правительство продолжает подталкивать таджикское правительство к поиску компромисса с оппозицией, стабильности в регионе так и не прибавилось.

По мнению автора, сегодня так называемые Коллективные миротворческие силы представляют собой обычную войсковую группировку российской армии. Используя вывеску Коллективных миротворческих сил и эгиду СНГ Россия занимает стратегически важное для нее положение в этом регионе, поддерживая своей мощью сложившийся расклад сил в Таджикистане и делая бессмысленными попытки его изменения военным путем. Эта группировка реально не принимает участия в разведении конфликтующих сторон и не несет разграничительной функции на границе с Афганистаном. Последнюю функцию пытаются выполнить пограничные войска России, которые в состав Коллективных миротворческих сил не входят.

Грузия. Операция в Абхазии

Самой поздней операцией российских миротворческих сил на территории СНГ стала операция в Абхазии, начавшаяся в июле 1994 г. К этому моменту российские военные увязли в гузино-абхазском конфликте еще в большей степени, чем в Таджикистане.

Напряженность в отношениях между грузинской и абхазской общинами, грузинским правительством и абхазской автономией проявилась еще в начале перестройки. В 1987 г. на сходах абхазского населения выдвигались требования о переходе Абхазской автономной республики из состава Грузии в состав России. Первые вооруженные стычки между представителями абхазского и грузинского населения произошли 15-17 июля 1989 г. Коммунистическое руководство тогда сумело урегулировать конфликт и произошедшее осталось без серьезных последствий. Позднее стабилизировали ситуацию и значительные уступки требованиям абхазского руководства, сделанные в период пребывания у власти в Тбилиси З. Гамсахурдия. Однако после военного переворота в Тбилиси и прихода к власти Государственного Совета во главе с Э.Шеварнадзе ситуация в Абхазии стала обостряться.

14 августа 1992 г. начался вооруженный конфликт между Грузией и ее автономной республикой Абхазией. Целью грузинского правительства было установление контроля над частью своей территории и сохранение ее целостности. Целью абхазских властей — расширение прав автономии и в конечном счете получение независимости. Со стороны центрального правительства выступали Национальная Гвардия, парамилитарные формирования и отдельные добровольцы, со стороны абхазского руководства — вооруженные формирования негрузинского населения автономии и добровольцы, прибывшие с Северного Кавказа, а так же российские казаки. Это единственный из описываемых конфликтов, в котором столкновения происходили на земле, в воздухе и в море. С обеих сторон было убито несколько тысяч человек, сотни тысяч покинули свои дома

и стали внутренними беженцами. Обе стороны прибегали к вытеснению враждебной этнической группы из стратегически важных районов. Захват и обмен заложников приобрел массовый характер. К началу 1993 года абхазские силы, воспользовавшись перемирием, нанесли внезапный удар и установили контроль над стратегически важным городом Гагра, а 16 сентября 1993 г., снова нарушив перемирие, восстановили свой контроль почти над всей территорией Абхазии, заняли столицу Абхазии — Сухуми. Тем самым военная обстановка вернулась к положению перед началом военных действий. После победы и установления контроля над территорией Абхазии абхазские силы препятствовали возвращению грузинского населения.

Во время всего конфликта официальная Москва сохраняла нейтралитет, выступала с осуждением нарушений прав человека и вводила санкции против обеих воюющих сторон. При этом российские части, доставшиеся России после раздела союзных вооруженных сил, находились в зоне конфликта с самого начала и оказывали неофициальную поддержку абхазским формированиям. По многочисленным свидетельствам, именно российские самолеты бомбили грузинские позиции, а на российских судах осуществлялась высадка абхазских десантов²³. При этом официальные источники в министерстве обороны России утверждали, что российские войска охраняют лишь сами себя и отвечают только ответным огнем. После Сочинского соглашения о перемирии 27 июля 1993 года этим войскам попытались постфактум придать статус миротворческих. Рассчитывая, что их присутствие сможет стать сдерживающим фактором, российское правительство взяло на себя роль гаранта выполнения достигнутых соглашений. Дополнительно ООН обещала выделить 50 военных наблюдателей и действительно направила их часть в регион.

Однако когда Абхазия нарушила эти соглашения и ее силы начали штурм столицы автономии города Сухуми, оказалось, что российские войска не имеют полномочий, чтобы заставить выполнять соглашения о перемирии. Вскоре выяснилось, что и Грузия не желает присутствия российских миротворческих сил на своей территории.

И неизвестно, состоялась бы российская миротворческая операция, не вспыхни с новой силой на прилегающей к Абхазии грузинской территории вооруженная борьба между сторонниками свергнутого президента З.Гамсахурдия и отрядами, поддерживавшими новое правительство. Поддержав Э.Шеварнадзе, российские войска в октябре 1993 г. взяли под контроль важнейшие транспортные коммуникации Грузии и преградили дорогу на столицу разрозненным отрядам сторонников З.Гамсахурдия.

23 октября Э.Шеварнадзе принял решение санкционировать вступление Грузии в СНГ. Тбилиси дал разрешение на сохранение российских военных баз в Грузии. Было принято и принципиальное решение о согласии на проведение миротворческой операции российских войск в Абхазии. 1 декабря 1993 г. абхазской и грузинской делегациями было подписано «Соглашение о взаимопонимании». 9 мая 1994 г. Генеральный секретарь ООН Бутрас Гали представил в Совет Безопасности отчет, в котором высказал мнение об отсутствии необходимых условий в Грузии для ввода войск ООН. Он высказал мнение, что до прибытия войск ООН задачи поддержания мира могут решать российские войска, которые затем смогут войти в состав контингента ООН.

Впервые введению миротворческих сил предшествовала длительная подготовка. Обе стороны предварительно приняли предложения о полном прекращении боевых действий. Россия добилась признания ООН своей операции, как операции СНГ. Был детально разработан с привлечением опыта ООН мандат миротворческих сил и ограничена зона ответственности пределами Гальского районом, прилегающим к внутренним районам Грузии. Контроль ситуации в зоне конфликта должны были осуществлять наблюдатели ООН. После проведения целого ряда согласований к 26 июня 1994 г. российские миротворцы вошли в Абхазию.

В первые месяцы в зону конфликта были также дополнительно введены сводные батальоны ахалкалакской и батумской дивизий Российской армии. В составе этих двух дивизий, а ныне военных баз России служат и местные жители. До последнего времени

среди них были и граждане Грузии²⁴.

В итоге была принята следующая схема расположения миротворческих сил. Три батальона разместились на территории Абхазии, один батальон — в Мингрелии, в соседнем с Абхазией городе Зугдиди. Командующий и штаб миротворческих сил расположились в Сухуми, а заместитель командующего — в грузинском районе центре городе Зугдиди. Первой задачей российских сил стало разделение сторон и организация контрольно-пропускных пунктов на реке Гумиста, ставшей демаркационной линией. В течение короткого времени миротворцам удалось взять под контроль мосты и основные броды, однако до сих пор группы абхазских и грузинских боевиков периодически проникают на противоположные стороны реки и тревожат население.

Следующей задачей стала демилитаризация Кодорского ущелья в горах — последнего участка Абхазии, населенного грузинской народностью — сванами и контролируемого правительством Грузии. После длительных переговоров удалось снизить уровень противостояния, исключив тяжелое вооружение из arsenалов обеих сторон и развести отряды. При этом хотя оказалось невозможным провести полную демилитаризацию ущелья количество обстрелов упало в несколько раз.

Миротворческие силы начали также широкомасштабные операции по разминированию, дав возможность жителям Абхазии заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Разминирование было чрезвычайно затруднено из-за отсутствия карт минирования, однако в течение первого месяца размещения миротворческих сил разминирование было осуществлено в 10 километровой полосе зоны их ответственности. Миротворческие силы взяли под охрану и ИнгуриГЭС, обеспечивающий регион электричеством.

Однако миротворцам не удалось выполнить важнейшую с точки зрения Грузии задачу — обеспечение процесса возвращения беженцев. Следует отметить, что многие в Грузии воспринимали заключенные соглашения как обязательства России силой создать возможность к возвращению беженцев. Между тем российские войска обязаны лишь обеспечивать безопасность при возвращении. Абхазские власти всячески препятствовали возвращению беженцев за пределы Маленького Гали²⁵. На территории же этого района до последнего времени правопорядок должна была поддерживать абхазская милиция, сотрудники которой еще недавно принимали участие в вооруженном конфликте. В результате вернувшиеся на места своих домов беженцы не только подвергаются опасности нападения многочисленных криминальных групп, но и испытывают притеснения со стороны сотрудников абхазской милиции. Описаны случаи, когда такие действия происходили на глазах российских военнослужащих, которые не принимали никаких мер для их пресечения. При этом командование миротворческих сил, оправдывало своих подчиненных отсутствием в мандате миротворцев полицейских функций.²⁶

Только один раз российские миротворцы попытались действовать на свой страх и риск, как они привыкли действовать до этого в других операциях. В начале сентября 1994 г. заместитель министра обороны, курировавший в числе прочего миротворческие силы России, генерал-полковник Георгий Кондратьев, находившийся в регионе и возмущенный гибелью российских офицеров на контролируемой абхазскими силами территории и нежеланием абхазской стороны принимать грузинских беженцев, предпринял отчаянный шаг. Он заявил, что 14 сентября, а затем перенес эту дату на 16 сентября, российские войска начнут операцию по возвращению беженцев, «давая вооруженный отпор всем тем, кто будет стараться этому помешать»²⁷. 15 сентября абхазская милиция в Гальском районе была блокирована российскими военными и ими же были перекрыты пути для подхода срочно перебрасываемых из других районов Абхазии сил. Однако 16 сентября министр обороны Павел Грачев остановил проведение операции и по поручению Б.Ельцина вылетел в Грузию. Была назначена встреча руководителей России и Грузии. Абхазская сторона заявила о готовности рассматривать дела возвращающихся беженцев с 1 октября. Вскоре Георгий Кондратьев вернулся в Москву исполнять обязанности заместителя министра обороны, которым он оставался до начала вооруженного конфликта в Чечне.

С самого начала операции объектом критики было отсутствие полицейских функций у миротворческих сил в зоне их ответственности. Следует признать, что требования о предоставлении таких функций грузинские политики стали выдвигать начиная с весны 1995 г., до того более рассчитывая, что миротворческие силы помогут быстро восстановить контроль над территорией Абхазии. Власти же Абхазии постоянно выступают за максимальное ограничение функций миротворцев. По их мнению, население, в том числе и возвращающихся грузинских беженцев, должны защищать от воров и бандитов правоохранительные органы республики.

Заключение

В ходе урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве наглядно отразилась борьба двух подходов российских властей к проведению миротворческих операций — дипломатического, с привлечением миротворческих сил для закрепления отдельных результатов длительного переговорного процесса, и чисто силового, основанного на абсолютизации военного разрешения конфликта, которое подразумевает введение миротворческих сил и их действия исходя из соображений здравого смысла, в том числе и вне установленных договорным мандатом рамок.

Второй подход, по мнению автора, представляется более естественным для российских общественных лидеров, пришедших к власти на волне революционных преобразований советского общества. Несмотря на демократический характер трансформации советского строя, этот переломный исторический период породил в России и одну из самых опасных болезней молодого общества — пренебрежение правовыми нормами ради достижения практических результатов.

Миротворческие силы России оказались способны заморозить конфликты и удержать враждующие стороны от возвращения к открытым боевым действиям. Однако миротворческие силы не могут ликвидировать напряженность между бывшими врагами без усилий политиков. Сама жизнь заставляет наиболее добросовестных командиров миротворцев использовать далекие от военных методы для предотвращения столкновений и восстановления нормальной жизни населения. Реальная практика заставляет и российское руководство вновь обратиться к дипломатическим методам разрешения конфликтов. Сегодня, судя по действиям российских властей, наиболее перспективной формой при разрешении конфликтов для Кремля является миротворческие усилия в рамках СНГ и проведение миротворческих операций под его эгидой. При этом войсковые миротворческие операции рассматриваются как один из инструментов урегулирования конфликтов, вместе с рядом мер экономического и гуманитарного характера.

С этой точки зрения, разница проводившейся политики двух заместителей министров обороны, в разное время курировавших миротворческие операции России — Бориса Громова и Георгия Кондратьева отражает не столько разницу в субъективных подходах к организации миротворческой деятельности, сколько периоды совпавшие с их деятельностью. Следует отметить, что генерал-полковник Б.Громов, бывший командующий советскими войсками в Афганистане, которому обычно приписывается роль сторонника приоритета активных силовых действий миротворческих сил, сам отрицал возможность использования военной силы для прекращения боевых действий: «Боевые части, получившие приказ силой развести воюющие стороны, неизбежно оказываются в ситуации, когда им приходится воевать сначала против одних, а затем против других. И стать врагами и для первых, и для вторых. На практике это означает, что войска принимают в конфликте чью-то сторону и тем самым теряют *de facto* свой миротворческий статус»²⁸. Вместе с тем, как уже писалась, обычных сторонник поисков взаимоприемлемых решений для вовлеченных в конфликт сторон генерал Кондратьев готов был применить силу, чтобы заставить абхазские власти согласиться с возвращением грузинских беженцев.

В миротворческих операциях приняли участие лучшие силы офицерского корпуса

Российской Армии. Защищая население и предотвращая вспышки конфликтов на границах России, военнослужащие миротворческих сил обеспечивают тем самым защиту безопасности своей страны. Приобретенный опыт разрешения вооруженных конфликтов наложил свой отпечаток на отношение российских офицеров — миротворцев к роли армии в жизни страны. Не случайно и то, что после начала бессмысленного вооруженного конфликта на территории России в Чеченской Республике, генералы, разрабатывавшие основы миротворческой деятельности российских вооруженных сил, — Борис Громов, Георгий Кондратьев и Эдуард Воробьев — вынуждены были уйти со своих постов. Однако миротворческие силы, созданные за эти 5 лет, продолжают поддерживать стабильность за пределами России, там, где еще недавно шли широкомасштабные боевые действия.

Участие в международной операции по выполнению Дейтонских соглашений по бывшей Югославии несомненно обогатит опыт российских миротворцев, существенно изменит характер их деятельности и в СНГ. Однако и опыт, приобретенный при миротворческих операциях России в СНГ за эти годы, еще ждет своих исследователей.

А.В. Соколов
Москва, 1994-1996

Примечания

1. Попытки введения чрезвычайного положения в Чечне в конце 1991 г.
2. В начале конфликта в Нагорном Карабахе, первого крупного вооруженного конфликта периода перестройки, наблюдалась довольно своеобразная картина, когда продажа оружия армянским боевикам осуществлялась не военнослужащими воинской части, расквартированной в столице автономии и подчинявшейся бакинскому штабу 4 армии, а военнослужащими других частей в Армении. Вместе с тем, советские войска принимали участие в депортации армянского населения из ряда селе на территории охваченной конфликтом.
3. В числе прочих организаций Правозащитный центр «Мемориал» выступил с протестом против этого соглашения.
4. см. доклад Правозащитного Центра «Мемориал» и Human Rights Watch /Helsinki «Права человека в Таджикистане. После событий гражданской войны 1992 г.», Москва, 1994 г.
5. Беседа с российскими офицерами Коллективных миротворческих сил в Таджикистане в мае 1994 г.
6. Во многом и местное население воспринимало российских военных как своих соотечественников.
7. Этому способствовали дискриминационные меры в отношении русскоязычного населения правобережной Молдавии и возможность объединения Молдавии с Румынией. — Более подробно об этом и других событиях описанных ниже см. Доклады ПЦ «Мемориал» “О положении национальных меньшинств в Республике Молдова”, “Массовые и наиболее серьезные нарушения прав человека и положение в зоне вооруженного конфликта в г. Бендеры”, Москва, 1992 г.
- 7б. см. также: Муляр, В. Гавриленко, А. Стасовский. 14-я армия готова к роли «голубых касок» в Преднестроиве: Готовы ли к этому конфликтующие стороны— // Красная звезда, — 08.04.1992.
8. В. Макаркин. Генерал Эдуард Воробьев: В людях и партиях ценю честность и ответственность. // Сегодня, — 22.10.1995.
9. Интервью с российским офицером воздушно-десантных войск, взято во время операции в Чечне в январе 1995 г.
10. В.Макаркин. Генерал Эдуард Воробьев: В людях и партиях ценю честность и ответственность. // Сегодня, — 22.10.1995.
11. Сообщение 25 ноября 1994 г. Российского Информационного Агенства о выступлении

заместителя министра обороны, курирующего миротворческие силы генерал-полковника Григория Кондратьева.

12. Выступление главного военного инспектора, заместителя министра обороны генерала армии Константина Кобеца на встрече с ветеранами 2 мировой войны 29 апреля 1995 г.

13. Более подробно см. А.Соколов, А.Черкасов «Драма Южной Осетии и права человека» // "Страна и мир", 1991, том 63, вып.3, стр. 21-34, Мюнхен. (русск.)

14. Показательна фраза командира грузинского контингента миротворческих сил, так оценивавшего в разговоре с автором возможности своих осетинских коллег в 1994 г.: «Да они нас просто сметут».

14б. По некоторым сведениям часть личного состава осетинского миротворческого батальона участвовали в осетино-ингушском конфликте, на территории РФ 31-октября — 5 ноября 1992 г. в Пригородном районе Северной Осетии. Оружие, поступавшее из России затем нелегально переправлялось обратно и поступало на вооружение незаконным формированиям Северной Осетии. В последствии эти и другие вооружения, включая тяжелую боевую технику, были опять переправлены в Южную Осетию.

15. 24 октября 1994 был расформирован Совет Безопасности Южной Осетии. Это было сделано по распоряжению председателя Верховного Совета Южной Осетии Людвиг Чибирова. Совет состоял из Службы безопасности, Министерства обороны, Управления внутренних дел. Отстранены от должности председатель Совета безопасности Владик Багаев, начальник управления ВД Руслан Хубулов, руководитель службы безопасности Леонид Харебов. Следует также указать, что если летом 1995 г. во дворе здания Верховного Совета Южной Осетии появился пост российских миротворцев, то годом раньше такого поста автор еще не видел.

16. Беседа с генерал-майором Анатолием Меркулевым в Цхинвали 28 августа 1995 г.

17. Е.Шапошников. О концепции безопасности России. // Международная жизнь, — 1993, №9, -с.5-15.

18. Узбекистан оказывал помощь формированиям повстанцам Народного Фронта, передавая не только боевую технику, но и посылая свои экипажи для нее. Авиация Узбекистана бомбила позиции отступавших формирований коалиции. Показателен следующий факт: после занятия Душанбе формированиями Народного Фронта и прихода к власти нового правительства автор разговаривал с узбекскими солдатами, охранявших здание Министерства внутренних дел. Министра же Якуба Салима сопровождали два телохранителя в форме российских десантников. В дальнейшем, из-за переориентации нового правительства на создание особых союзнических отношений с Россией, Узбекистан резко снизил помощь властям Таджикистана.

19. Борьба за власть и гражданская война в Таджикистане, часто шаблонно трактуемые как борьба между "исламистами" и "коммунистами" может быть лучше понята как конфликт региональных клановых политических и криминальных группировок — подробнее см. доклад Правозащитного Центра «Мемориал» и Human Rights Watch /Helsinki «Права человека в Таджикистане. После событий гражданской войны 1992 г.», Москва, 1994 г.

20. см. там же.

21. Интервью в Москве весной 1994 г. с бывшим бойцом одного из таких отрядов, сбежавшего из учебного лагеря в Афганистане.

22. репортаж программы «Новости» российской телекомпании «Останкино» 19.04.1995.

Чтобы оценить масштабы запрашиваемой помощи командиром КМС, достаточно указать, что армия Таджикистана, по словам министра обороны республики Шурали Хайрулаева, на этот момент насчитывала 11.5 тысяч личного состава.

23. см. доклад Human Rights Watch /Helsinki «Грузия / Абхазия: Нарушения законов ведения войны и роль России в конфликте », Москва, 1995 г.

24. В 1995 г. при заключении контрактов о службе в Российской Армии стало требоваться принятие Российского гражданства. Однако в настоящее время процедура получения гражданства России для будущих военнослужащих Российской армии — жителей СНГ

чрезвычайно упрощена.

25. Маленький Гали — условное название примерно половины Гальского района прилежащего к внутренним районам Грузии и отделенного от остальной Абхазии водоканалом.

26. Интервью в августе 1995 г. с ответственным сотрудником международной гуманитарной организации, действовавшим в регионе и просившим не называть его имени.

27. Сообщение грузинского информационного агентства ВGI от 14 сентября 1994 г.

28. Интервью генерала Бориса Громова газете «Красная звезда», 27 ноября 1993 г.

Приложение:

Список рекомендуемых статей по теме за 1992-1995 гг.

1. Антипов А. Российские миротворцы в тупике. // Общая газета, — 1994, — №32, — с. 7.
2. Антонов А. На Кавказе есть конфликт... [О российских военнослужащих, выполняющих миротворческую миссию в районе г. Цхинвали]. // Честь имею, — 1994, — №11, — с.14-17.
3. Аринахин А. “Российские миротворцы”: огонь на себя? // Армия, — 1994, — №7, — с.44-48.
4. Пьянков Б. Мы трудную службу сегодня несем вдали от России [Беседа с командующим коалиционными миротворческими силами в Таджикистане генерал-полковником Б.Е. Пьянковым] // Правда, — 18.01.1994.
5. Бередко В. Таджикистан — второй исламский фронт? // Красная звезда, — 02.02.1995.
6. Бочков Е. Во чужом пиру похмелье [Дневник старшего военного наблюдателя миротворческих сил России, находившегося в зоне грузинско-осетинского вооруженного конфликта] // Честь имею – 1994.—№ 8.—с.12-16
7. Якушев В. На плечах беженцев можно внести войну [Интервью с В. Якушевым]. // Правда, — 21.10.1994.
8. Вагнадзе В. Этот инцидент произошел неспроста: Подробности обстрела в Гудауте заместителя министра обороны РФ генерала Кондратьева. // Независимая газета, — 27.08.1994.
9. Воробьев А.. “Белые пятна” теории или Чего нам не хватает для проведения миротворческих акций: [О профессиональной подготовке миротворческих сил] // Красная звезда, — 22.02.1994.
10. Гамова. Миротворцев для Преднистрья будут готовить в Тирасполе. // Известия, — 02.12.1995.
11. Гамова. Президент Снегур против 14 армии, даже если она сменит зеленые каски на голубые. // Известия, — 10.12.1995.
12. Где и как действуют российские миротворцы. // Сын Отечества, — 10.06.1994.
13. Гольц. А. Миротворческие операции – средство реализации национальных интересов России. // в сб. «Россия: новые параметры безопасности», Carnegie Endowment for International Peace, Москва, 1995, с. 42-54.
14. Демин Г. Это война международной наркомафии [Беседа с командиром танкового полка 201 российской мотострелковой дивизии, дислоцированной в Душанбе Г. Деминим] // Независимая газета, — 09.02.1994.
15. Дубинин, В. Мухин. Зачем наши войска нужны в Таджикистане? // Армия, — 1994, — №8, — с.20-23.
16. Ермолаев Е. Выстрел для ООН: Новая программа подготовки российских военных наблюдателей для ООН в действии. // Военно-патриотический журнал, — 1995, — №1, — с.42-44.

17. Житаренко В. Кодорское ущелье, лето 94-го... [О миротворческих силах России]. // Красная звезда, — 05.08.1994.
18. ИТАР-ТАСС. Грузия за расширение мандата российских миротворцев. // Коммерсантъ-daily, — 05.12.1995.
19. Капустина. Москва пытается сохранить военное присутствие в Молдавии. // Коммерсантъ-daily, — 14.12.1995.
20. Кондратьев Г. “Голубые каски” России: [О миротворческих силах России]. // Красная звезда, — 16.02.1994.
21. Кондратьев Г. Миротворчество — дело государственное. [Беседа с заместителем министра обороны генерал-полковником Кондратьев Г.Г.] // Честь имею, — 1994, — №5-6, — с.2-6.
22. Крутских Н. Пионеры голубых касок: [Участие вооруженных сил Канады в миротворческих акциях ООН]. // Международная жизнь, — 1994, — №2, — с.138-144.
23. Кушнир Д. Над горами и между ними... [Ратные будни авиаторов отдельного штурмового Оршанского авиационного полка, входящего в состав миротворческих сил в Таджикистане]. // Армейский сборник, — 1994, — №3, — с.31-32.
24. Лебедь А. Как склеить битый горшок? [Беседа с командующим 14-й российской армии, дислоцированной в Преднистрове] // Российская газета, — 16.03.1994.
25. Литовнин. В Преднистрове сохраняется мир...: [О действии миротворческих сил России в Преднистрове]. // Известия, — 05, 04, 1994.
26. Литовнин. Лейтенант Ершов не любит политиков [О начальнике миротворческой заставы “Тамарашени” в Южной Осетии лейтенанте Н. Ершове] // Неделя, — 1994, — №8, — с.2.
27. Литовнин В. Российские миротворцы [Репортаж из “горячей точки”]. // Аргумент, — 1994, - №6, — с.3-4.
28. Лобанов С. Российский воин за рубежом [Правовые основы прохождения военной службы на территории иностранного государства]. // Ориентир, — 1994, — №3, — с.70-72.
29. Макаркин В. Генерал Эдуард Воробьев: В людях и партиях ценю честность и ответственность. // Сегодня, — 22.10.1995.
30. Манжури И. Особенности ведения военных действий в конфликтах средней и низкой интенсивности. // Военная мысль, — 1994, — №1, — с.15-21.
31. Морозов С. Здесь реки как линии фронта [О российских миротворческих силах в зоне грузино-абхазского конфликта] // Сын Отечества, — 04.03.1994.
32. Моуа Л. Кризис миротворцев [О миротворческих силах ООН]. // За рубежом, — 1995, — №3, — с.3.
33. Мохов В. Правда тоже оружие: Чем занят информационный отряд в составе миротворческих сил в Таджикистане. // Красная звезда, — 10.03.1995.
34. Муляр А., Гавриленко В., Стасовский А. 14-я армия готва к роли “голубых касок” в Преднистролии: Готовы ли к этому конфликтующие стороны? // Красная звезда, — 08.04.1992.
35. Науманн Л. Миротворцы России и Германии в будущем могут сотрудничать [Беседа с генеральным инспектором бундесвера генералом К. Науманном]. // Красная звезда, — 18.02.1994.
36. Парфенников А. В условиях чрезвычайного положения (Правовое регулирование прохождения военной службы в ВС РФ в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах). // Ориентир, — 1994, — №4.
37. Пасякин В. Сухумская трагедия [Об участии моряков черноморского флота в эвакуации беженцев из Сухуми] // Морской сборник, — 1994, — №2, — с.37-41.
38. Патрикеев В. Валерий Патрикеев: Кризис на границе спровоцирован Душанбе и пограничниками РФ [Изложение выступления командующего КМС генерал-

- полковника В. Патрикеева на заседании Совета Министров обороны СНГ]. // Сегодня, — 20.04.1995.
39. Пономарева Г. Останавливающий войну: [О командующем 14-й российской армией, дислоцированной в Преднистровье, генерал-лейтенанте А.И. Лебеде] // Военные знания, — 1993, — №12, — с.4-5.
 40. Рейдер Р. Операции по поддержанию мира — военные аспекты многонационального подхода. // Военная мысль, — 1994, — №2, — с.74-80.
 41. Солодовник С.В. Миротворческие миссии России [О конференции «Российская политика в вооруженных конфликтах в бывших советских республиках», состоявшейся в МГИМО МИД РФ] // Военно-исторический журнал — 1994. — № 8. — с. 88-90
 42. Транин Д. Когда исход войны ясен [Миротворческие миссии России в Закавказье]. // Новое время, — 1994, — №33, — с.16-17.
 43. Цветков А., Царьков В.. Борьба с нерегулярными (повстанческими) силами: По взглядам экспертов НАТО. // Зарубежное военное обозрение, — 1994, — №19, — с.15-19.
 44. Чебан В. Вооруженные конфликты и безопасность России. // Ракурс, — 1994, — №1, — с.14.
 45. Чебан В. Некоторые уроки вооруженных конфликтов.// Военный вестник, — 1994, — №2, — с.14-17.
 46. Чебан В. Разные грани миротворчества. // Армейский сборник, — 1994, — №2, — с.6-8.
 47. Чернышев. Абхазия: трудный путь к миру [О миротворческой миссии российских войск в зоне грузино-абхазского конфликта]. // Ориентир, — 1994, — №3, — с.9-11.
 48. Чернышев И. Миротворцы из России. Кто они? // Ориентир, — 1994, — №1, — с.16-18.
 49. Чернышев И. Таджикистан: тревоги и надежды. // Ориентир, — 1994, — №2, — с.12-17.
 50. Шаклеина Т. Миротворческая деятельность и ее перспективы. // США — экономика, политика, идеология, — 1995, — №3, — с.27-38.
 51. Шапошников Е. О концепции безопасности России. // Международная жизнь, — 1993, — №9, — с.5-15.
 52. Шахов А. Миротворческие силы в России и США. // Армейский сборник, — 1995, — №6, — с.22-24.
 53. Institute for national strategic studies, Moscow's "near abroad" security policy in the post Soviet Europe.. — Washington, 1993. (Engl.)